

**К 15-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ
ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ СПБГУ**

**О РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
И КАФЕДРЕ, ЕЕ ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ**
Интервью заведующего кафедрой
истории русской философии проф. А.Ф. Замалеева

Вопрос. *Ваша кафедра существует 15 лет. Это тоже серьезный юбилей. Вы моложе факультета на полстолетия, однако сумели органично вписаться в его деятельность.*

Ответ. Должен заметить, что изучением русской философии на факультете активно занимались и в советское время. Специалистам хорошо известны имена профессоров А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова. В 1961 г. они издали первый у нас систематический курс по истории отечественной мысли. Позже их работа под названием «Русская философия IX – XIX вв.» переиздавалась еще дважды: в 1972 и 1989 гг. Думаю, не будет преувеличением, если я скажу, что она заслуженно ставится в один ряд с трудами историков-эмигрантов В. В. Зеньковского и Н. О. Лосского.

Вообще примечательно, что Санкт-Петербургский университет и раньше, задолго до создания философского факультета, уделял немало внимания проблемам русской философии. Так, проф. А. И. Введенский 31 января 1898 г. на первом публичном заседании созданного им при университете философского общества произнес свою знаменитую речь «Судьба философии в России». Она заканчивалась выражением твердой уверенности в том, что “довольно скоро, может быть, уже в том самом поколении, которое готовится теперь выступить на смену нам... русская философия воспитает деятелей, имеющих для жизни России значение не меньшее, чем славянофилы и западники, а для философии всего мира такое же, как и Лобачевский”¹. Прогноз этот, как известно, оправдался, и русская философия вступила в XX столетие в ореоле духовно-ренессансного величия и самобытности. В Петербургском университете сотрудничали будущие выдающиеся светила отечественной мысли С. Л. Франк, Н. О. Лосский, Э. Л. Радлов, И. И. Лапшин и др. Здесь защищал свои диссертации В. С. Соловьев. Так что мы стоим на твердом фундаменте, созданном нашими предшественниками. С появлением кафедры в 1991 г. изучение рус-

---

¹ Введенский А. И. Судьба философии в России // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.: Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 62.

ской философии приобрело институциональный характер, и этим объясняются определенные достижения, которыми ознаменована ее деятельность.

Вопрос. *Извините, возможно, Вам не понравится вопрос, но все же его следует задать. Часто можно слышать, уверяю Вас, даже на факультете, что никакой особой русской философии вообще-то не существует, а есть лишь попытки с позиций общепhilософских знаний ответить на “проклятые русские вопросы”, вроде “Что делать?” и “Кто виноват?”. Правильно ли считать ответы на них самобытной философской рефлексией русского ума?*

Ответ. Признаться, я не всегда понимаю, чего хотят услышать от меня, задавая подобные вопросы. Ну да, у каждого народа есть некоторая предрасположенность к каким-то особым проблемам. Древние греки все спрашивали, что же такое мудрость. Китайцы связывали представления о философии с познанием “Дао” – некоего универсального пути жизни. Арабы задумывались над тем, как соединить веру и разум, сохранив при этом достоинство и нерушимость обеих сфер души. Французы задумывались над правилами ума, а немцы строили бесконечные догадки о природе противоречий и изменений. Однако, при всем различии мыслительных приоритетов, в главном здесь обнаруживается совпадение: ответы на все эти вопрошания носили общий, метафизический характер. Философов интересовало не то, чем является нечто в ряду других эмпирических данностей, а то, как это нечто сохраняет, удерживает в себе все совокупное содержание бытийности, т. е. воспаряет над предметностью, мирностью. Для понимания реальности это ничего не дает, но без этого невозможно самосознание человека, а следовательно, его свобода, творчество. Философию вообще можно определить как самосознание личности, возвышенной на степень всеобщности, отстраненной от конкретности индивидуального и национального существования. Следует только помнить, что исток этого самосознания лежит в той именно стихии обыденности, которая подвергается метафизической элиминации.

Отсюда ясно, что национальный момент в философии – вовсе не миф, и признание его отнюдь не умаляет универсальной сущности философского знания.

Это касается и русской философии. Ее отличает, прежде всего, то, что она вся пронизана темой о России. Ни одна другая философия не нацелена в такой мере на проблемы отечествоведения. У нас любой серьезный мыслитель, задумываясь над вечными вопросами, непременно подверстывает к ним и вопрос о судьбе России, ее исторической, нравственной и метафизической перспективе. Русскую философию, говоря словами Владимира Соловьева, больше волнует не то, что нация “думает о себе во времени, но то,

что Бог думает о ней в вечности”¹. Исайя Берлин прав, усматривая в этом выражение той “мощной потребности в телеологических и эсхатологических концепциях, которая свойственна всем культурам, испытавшим воздействие Византии и православия”².

Вопрос. *Ваша позиция ясна. Если россиеведение составляет главный предмет русской философии, то каковы ее достижения в этой области?*

Ответ. Достижения? В философии достижений не бывает. Это прерогатива науки. Философия же, как известно, не наука. Все развитие философии заключается в смене метафизических ракурсов видения проблемы. Так вот, первоначально Россия высветилась в контексте теории “Москва – Третий Рим”. Она стала формой выражения русского национального самосознания. Назначение России получало вселенское звучание, будучи сопряжено с эсхатологической идеей сохранения, защиты православия до “скончания веков”. XVIII век пытался противопоставить теории Филофея Псковского новую, секуляризованную концепцию “Российской Европии”. Однако это не повлекло за собой сколько-нибудь значительного метафизического взлета русской философии. Она застряла в оковах бесплодной дилеммы: надо ли жить России по собственным законам или, напротив, все беды ее от обособленности, закрытости от остального мира? Философского решения здесь не было; оставался лишь путь политики, практики. Поэтому весь XIX в. у нас прошел под знаком запрета философии: “Польза ее не доказана, а вред от нее возможен”³. Но практика, не освещенная философией, заводит лишь в тупик – сперва административного произвола, а затем и революции. Осознание этой истины стало уделом двух гениев русской литературы – Салтыкова-Щедрина и Достоевского. Разоблаченное ими социальное зло быстро обрело свое метафизическое выражение. Соловьев, Бердяев, Франк возвращают русскую мысль к духовным истокам, рассматривая историю как “прорыв к смыслу”⁴, как некое творческое преодоление трагизма человеческого существования. Ренессанс, пришедший на смену Средневековью, развил в людях избыток творчества. В нем соединились два начала: радость познания и созидания, с одной стороны, и осознание зависимости человеческой индивидуальности от космических иерархий, – с другой. Это противоречие оказывается невыносимым для человека, и наступает конец Ренессанса. Как пишет Бердяев, “происходит обращение к духовным основам, родственным Средневековью, в противоположность тем началам, которые господствовали во всем новом, ренессансном периоде человеческой

---

¹ Соловьев В. С. Русская идея // Соловьев В. С. О христианском единстве. М., 1994. С. 163.

² Берлин Исайя. История свободы. Россия. М., 2001. С. 337.

³ Знаменитые слова министра народного просвещения Ширина-Шихматова; произнесенные им в апреле 1850 г. – См.: Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. Т. 1. М., 1955. С. 334.

⁴ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 129.

истории”¹. Русский философ утверждал, что “Россия занимает совершенно исключительное положение в этом процессе окончания Ренессанса”², что “именно в России высказывается какая-то особенно острая мысль о конечных исторических судьбах”³. Отсюда – *этно-* и *геососредоточенность* русской философии: ей не интересна больше никакая другая страна, кроме России, и никакое другое умозрение, кроме русского. Она *знает*, что если вся прежняя история совершалась помимо ее участия, то пост-история, будущее принадлежит только ей, окрасится в цвета ее интеллектуальной и духовной радуги. Традиционного философа это может раздражать; для русского же философа – это очевидность, если не для разума, то, во всяком случае, для интуиции. Вспомним Франка: “Своеобразие русского типа мышления именно в том, что оно изначально основывается на интуиции. Систематическое и понятийное в познании представляется ему хотя и не как нечто второстепенное, но все же как нечто схематическое, неравнозначное полной и жизненной истине”⁴. Россия же всегда была предметом интуитивного постижения: “Умом Россию не понять...”.

Вопрос. *Выходит, что русская философия не обременяет себя доказательствами, особенно в сфере своих предметных предпочтений?*

Ответ. В философии доказательства не самое главное. Метафизические истины, говоря словами о. Павла Флоренского, не доказываются, а показываются. Не это ли выяснилось и в “ульмскую ночь” Декарта? 10 ноября 1614 г., как он пишет сам, он лег спать в состоянии крайнего возбуждения. Ночью ему снилось, что Бог указывает ему дорогу, по которой следует направить жизнь в поисках правды. “*Coeperi intelligere fundamenta inventi mirabilis*” – “И начал я понимать основы открытия изумительного”, – такая запись осталась в его бумагах об этой странной ночи. Как полагают исследователи, ульмское озарение помешало Декарту закончить работу над «Правилами для руководства ума». Вероятно, он просто убедился, что философия есть скорее целостное интуитивное постижение, нежели кропотливое рациональное познание.

Как я уже сказал, ее нельзя оценивать по критериям науки. Даже если она обращена к реальности, она познает ее не как наука. Философия создает *мировоззрение*, и этих мировоззрений столько, сколько вообще имеется философов. Отдельный ученый может пренебрегать ими, но для успеха науки обращение к ним крайне важно. Во всяком мировоззрении так или иначе кроется тайна – тайна бытия, и она, как светоч, указывает путь для дальнейших поисков. Хороший ученый всегда найдет способ воспользоваться философской подсказкой. Философом же можно быть, и хорошим

---

¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 137.

² Там же. С. 143.

³ Там же. С. 144.

⁴ Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 163.

философом (это я уже цитирую нашего гениального В. И. Вернадского), «без всякой ученой подготовки, образно говоря, “от сохи”». “В самом себе, в размышлении над своим Я, – говорит он, – в углублении в себя – даже вне событий внешнего для личности мира – человек может совершать глубочайшую философскую работу, подходить к огромным философским достижениям”¹. Разумеется, ни факты, ни доказательства здесь не играют определяющей роли. Все это уже удел учеников и последователей. К примеру, Гераклит высказал идею *становления бытия*; современники считали ее глубокомысленной, но мало понимали ее: в античном мире признавалось, что об изменяющемся возможно только мнение, а не истина. Тем не менее она жила, питая воображения ученых, поэтов, философов. Гегель для чего-то попытался дать ей логическую форму: “нет ни одного положения Гераклита, которого я не принял бы в свою «Логик»”². Этот эпигонский труд подвинул многих на разработку “диалектического метода”, однако ничего *нового* по сравнению с мыслями самого Гераклита их усилия не принесли. Можно вовсе не читать Гегеля; достаточно знать Гераклита: “Бытие и небытие есть одно и то же, все и есть и не есть”. Сущность этой максимы не поддается никакой логической сцепке, никакой рационализированной схематизации. Она самодостаточна в своей полноте и есть та самая мудрость, любовь к которой и составляет предмет философии.

Вопрос. *Представляю, как бы отреагировали на это наши факультетские гегелисты 80–90-х годов прошлого (увы, уже прошлого!) века. Однако мы несколько уклонились от русской философии. Если философия в своей первозданности есть род интеллектуальной интуиции, прозрения, то не могли бы Вы проиллюстрировать это примерами из нашего отечественного любомудрия?*

Ответ. Один пример мы уже разобрали – это интуиция об “особенной стати” России, ее особом мировом, общечеловеческом призвании. Даже Чаадаев, столь печально взиравший на современную ему “расейскую действительность”, ни минуты не сомневался в том, что “мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия”. Не будучи связаны с их историей, вообще даже не жившие в истории, мы, согласно Чаадаеву, никак не обременены “роковым давлением логики времен”, “для нас не существует непреложной необходимости”. Для благоденствия и прогресса России “нужен только один властный акт верховной воли, которая вмещает в себе все воли нации, которая выражает все ее стремления, которая уже не раз открывала ей новые пути, развевала пред ее глазами новые горизонты и вносила в ее

---

¹ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 100.

² Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. В 3 кн. Кн. 1. СПб., 1993. С. 287.

разум новое просвещение»¹. Словом, нами управляют не законы мира, а воля одного лица, государя, способного мановением руки остановить или восстановить ход национальной жизни, повлиять на мировые процессы. Можно сколько угодно спорить, доказывать, что так не бывает, что само возникновение монархии, как и других форм правления, обусловлено обстоятельствами вполне конкретными и легко объяснимыми, русский философ скажет: мы народ вовсе не политический, а потому отделяем от себя государство, и государствовать не хотим. А раз так, то и предоставляем правительству неограниченную власть государственную, оставляя себе «нравственную свободу, свободу жизни и духа». Соответственно, «государственная неограниченная власть, без вмешательства в нее народа, – может быть только неограниченная монархия»². Это знаменитое рассуждение славянофила К. С. Аксакова. Кажется, его легко опровергнуть примерами из русской истории. Но в глубине души, в подсознании все же понимаешь: а ведь он прав, и прав по большому счету: Россия – это и не народ, и не власть вообще, а всегда – *воля*, знающая лишь себя и лишь в себе обретающая опору для действий. На этом, собственно, и основана наша уверенность в том, что мы все можем. Долго запрягаем, да быстро скачем...

К разряду подобных *неоспоримых* интуиций русской философии относится и федоровская идея воскрешения предков. Конечно, она взята из Евангелия, это, так сказать, логия или обещание Христа. Но вот что интересно: для Федорова «воскрешение будет не делом чуда, а знания и общего труда»; оно произведется «не мнимым движением солнца, не действительным движением земли, а совокупным действием сынов, возлюбивших Бога и исполнившихся глубокого сострадания ко всем отшедшим»³. «Для осуществления общего дела, – продолжает философ, – необходимо соединить *все искусства в храме-школе* (всеобщего обязательного образования), не как *подобии* лишь *мироздания*, а как проекте мира, в котором *поглощение* заменено воскрешением, осуществляемым через все науки, объединенные в науку мироздания астрономии, и притом через всех людей, ставших благодаря школе познающими»⁴. И так постепенно, по мере воскрешения отцов, люди будут расселяться по другим планетам и заполнять их новой жизнью, жизнью без старости, жизнью без смерти. Человек делается их обитателем и правителем.

При этом опять же знакомая нота: никакой любви к року, никакого признания необходимости! Никакого пиетета к Ницше, возвестившему «*amor fati*». «*Amor fati*», – восклицает Федоров, – это формула величайше-

---

¹ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П. Я. Соч. М., 1989. С. 150, 151, 151–152, 152.

² Цит. по кн.: Бороздин А. К. Литературные характеристики. Деятнадцатый век. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1905. С. 184.

³ Федоров Н. Ф. Соч. М., 1952. С. 528.

⁴ Там же. С. 525.

го унижения, падения человека ниже зверя, ниже скота, ниже самого Ницше! Быть властелином разумных существ, обратить их в своих рабов, а самому быть рабом слепой природы – что это такое? Возможно ли более глубокое падение? Толстовское благоговение к жизни животных Ницше заменил благоговением к слепой, безжизненной силе¹. Философ “общего дела” призывает противопоставить *amor fati*, “этой вершине безнравственности”, безусловную ненависть к роковому – *odium fati*.

Как видно, и здесь философствование предполагает *выпадение* из необходимости, отделение ума от логики, которая только и действует в пределах необходимости, строгого соотношения событий и фактов. Западно-европейская философия к этому никогда не была способна: она слишком ценила удобства рационалистического познания. Но зато ей и неведомы интуиции, подобные федоровскому “супраморализму”. А ведь из этой интуиции выросла вся русская “космическая философия”.

Или, еще, скажем, такая интуиция. Бердяев поставил проблему *теургии*, т. е. человеческого сотворчества Богу, продолжения творения Бога. Она, по сути, приводит к признанию антропоцентризма. В самом деле, если современная эпоха – это эпоха третьего творческого откровения, которое свершится в человеке и человечестве, то первые два откровения – библейское и евангельское – имели лишь временное, преходящее значение. Их сила действовала до *взросления* человека, его духовно-интеллектуального возмужания. Поэтому они обошли, оставили без внимания проблему творчества, проблему теургии. В евангельском образе Христа раскрыта лишь тайна искупления, сопряженная с жертвенностью и страданием. Но не один и тот же Христос – распятый за грехи мира при Понтии Пилате и Христос Грядущий, который явится во славе. К нему-то, Христу Грядущему, и обращена творческая тайна человеческой природы, и он явится лишь тем, которые сами, свободным усилием, раскроют в себе “иного, творческого образа человека”². Искупление требовало великого послушания, т. е. необходимости удержания себя в сознании греховности, тогда как творчество нуждается в великом дерзновении, свободе. Оно будет открытием иного религиозного опыта, иного бытия. Творчество не может не допускаться, не оправдываться религией, оно – само религия. “Христианство, – отмечает Бердяев, – в лучшем случае, оправдывало творчество, но никогда не понималось до сознания, что не творчество должно оправдывать, а творчеством должно оправдывать жизнь. Творчество – религия. Творчество по религиозно-космическому своему смыслу равносильно и равноценно искуплению. Творчество – последнее откровение Св. Троицы, антропологиче-

---

¹ Там же. С. 560.

² Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. С. 337.

ское откровение. Этого сознания до сих пор не было еще в мире, оно зарождается в нашу эпоху”¹.

Можно понять официальных идеологов христианства: они считают бердяевское “новое религиозное сознание” ересью. Дело, однако, в другом. Русский философ *знает*, видя, интуитивно прозревая это в самой жизни, что пока человек не обновится в своем сознании, не поставит себя в центр вселенной как единственное творческое существо, берущее на себя ответственность за сохранение богосотворенного мира и в силу этого становящегося богоравным, он не выйдет за рамки существующей системы и будет оставаться той пропылившейся ветошью, которой протирают лики омертвевших кумиров. Тогда неизбежен конец истории. Только творчество открывает путь в будущее.

Бердяев неслучайно критиковал марксизм как детерминистское учение. Идеологи пролетариата, на его взгляд, хотели не будущего, а продления нынешней истории. Они рассуждали о революции, тогда как вся проблема – в творчестве, теургии. Действительно, эта одна из самых острых и неоспоримых интуиций русской философии! На Западе о таких вещах просто думать некому: там все погружены в бытийное, реальное, настоящее...

Вопрос. *Не хочу обижать Вас, но мне кажется, что и в России не мешало бы больше думать о земном. А то как у Достоевского: сидит мужик, на лес смотрит, и не поймешь, то ли любит, то ли сжечь хочет.*

Ответ. Нет, не то: он, созерцая лес, погружается в себя и думает о вечном. Так и Бердяев. Он взирает на мир и видит, как неуютно в нем ветхому человеку. А ветхость-то его – в коснении, неумении творить, созидать новое. Он – раб природы, раб тех машин, которые изобрел, подражая природе, он всегда и везде соотнобразовывается с необходимостью, царящей в мире человеческих отношений. Вот Бердяев и говорит: пусть у тебя все будет новое – и сознание, и мысль, и вера. У Чехова тот же мотив; только там в человеке все должно быть прекрасно. Бердяев же думает не о красоте, а о творчестве. Новое есть дело творчества. Став творческим существом, человек обретает свободу и уподобляется Богу, начинает *быть* как Бог. В творчестве – его спасение. Все, в ком неразвита способность творчества, погибнут. Может, Бердяев и перегибает палку, однако простая эволюция, как показывает история, всегда приводит к гибели, исчезновению... И человечество может постичь такая же участь, если оно не вырвется за рамки привычной истории. Так это или нет – как говорится, увидим. Но это тоже о земном, хотя и... *sub specie aeternitatis*.

Вопрос. *Пожалуй, Вы меня убедили. Вы так оперируете текстами, вероятно, для Вас они кладезь мудрости?*

Ответ. Вам непременно хочется полемики. Ваша реплика напомнила мне об одной недавно прочитанной мною забавной книге. Автор почему-то

---

¹ Там же. С. 339.

с раздражением пишет о “русской идее”. Это словосочетание представляется ему “наезженной колеей, в которой оставил след едва ли не каждый русский философ”. А далее еще сердитей: «Песенка “о судьбах России”, несомненно, есть род пьесы, написанной для механического пиано (шарманки), но назвать ее неоконченной было бы не совсем точно. Дело обстоит куда печальнее: пьеса эта нескончаема, и всякий, присоединяющий свой голос к незатейливой мелодии, автоматически претендуют на то, чтобы именоваться русским философом, мыслителем или пророком. По мере того как проходит время, возникает нечто, удивительно напоминающее монгольское горловое пение – “хор, поющий без слов, сомкнув губы”»; в этом трансперсональном припеве утрачивают смысл понятия заимствования, плагиата, первичности и вторичности¹. Словом, тоже, мол, мудрость – какое-то горловое пение...

Вопрос. *Да нет же, я вовсе не в том смысле!*

Ответ. Не извиняйтесь! Меня не убудет, русская философия переживет...

Вопрос. *И все же, я хотел бы вопрос о текстах поставить несколько иначе. Скажем, так: насколько доступны сочинения русских философов?*

Ответ. Будем считать, что яму раздора мы закопали. Теперь о текстах. Нашей кафедрой много сделано в плане публикации работ русских мыслителей. Приведу лишь краткий перечень основных изданий. Так, под редакцией проф. А. А. Ермичева вышли двухтомник работ Ф. А. Степуна («Часовая Россия» и «Портреты»), «Самосознание» Н. А. Бердяева, сборники статей А. И. Введенского, С. Л. Франка, Б. В. Яковенко, монография А. А. Никольского о Владимире Соловьеве и т. д. Проф. И. Д. Осипов издал «Философию права» Б. Н. Чичерина и «Руководство к познанию законов» М. М. Сперанского. Большую источниковедческую работу проводят и мои бывшие аспиранты, ныне известные молодые ученые А. В. Малинов и Т. В. Чумакова: первый выпустил в свет философско-публицистические трактаты В. В. Розанова, вторая – переписку Ивана Грозного и Андрея Курбского. Среди моих изданий – послания и челобитные протопопа Аввакума, «Воспоминания» Н. О. Лосского, сочинения В. С. Соловьева, Г. П. Федотова, К. Н. Леонтьева, трехтомная «Антология русской философии», хрестоматия политологических текстов, приложенная к моему «Учебнику русской политологии» и т. д. Источниковедческое направление деятельности кафедры получило отражение также в издаваемом мной альманахе «Вече» (за период с 1994 по 2006 гг. вышло 17 номеров).

Вопрос. *Спасибо! Наверное, только так и можно возрождать и укреплять интерес к отечественной философской мысли. Не могли бы Вы в этой связи ответить на вопрос: делается ли у нас что-либо по части изучения русской философии советского периода?*

---

¹ Секацкий А. Сила взрывной волны. Статьи, эссе. СПб., 2005. С. 5–6.

Ответ. Это чрезвычайно важное направление. Однако здесь немало трудностей. Считается, что “октябрьский переворот” 1917 г. пресек самобытное развитие отечественного любомудрия, достигшего “ренессансных высот” в творчестве В. С. Соловьева и его школы. Господство марксизма-ленинизма привело к “духовному вырождению” и “умственному оскудению” советского общества. Соответственно выход из “кризиса” видится исключительно в возвращении “утраченного наследия” – идейного достояния русского пореволюционного зарубежья.

Действительность оказалась менее трагичной, нежели предполагалось. Несмотря на засилье марксистско-ленинской идеологии, русская философия сумела сохранить свои традиции в обстановке “социалистического эксперимента”. Этому способствовала, с одной стороны, ее глубокая связь с передовой наукой, которая всегда испытывала потребность в философском обновлении своих достижений, а с другой – прочное, неискоренимое влияние русской классической литературы. Неудивительно, что в советский период возникает целая система неофициальной, “апокрифической”, философии. В нее входят “космическая философия” и антропология, философия языка и культурология, историософия и социология. По своему уровню эти направления намного превосходят то, что было создано русской пореволюционной эмиграцией, и входят составной частью в общеевропейский философский процесс.

Особо следует отметить такой момент. После распада СССР началось активное “привласнение”, т. е. раздробление, советской культуры, в том числе философии. В бывших союзных и автономных республиках наметилась тенденция превращать советских (и даже российских!) ученых, мыслителей в представителей национальной культуры, выразителей самобытных устремлений того или иного народа, входившего в состав социалистического (или российского) государства. Скажем, М. К. Мамардашвили становится грузинским философом, В. И. Вернадский и П. В. Копнин – украинскими, А. Х. Касынжанов – казахским и т. д. При этом критерием подобной “национализации” чаще всего выступают такие факторы, как место рождения или работы философа, хотя совершенно очевидно, что идеократический контекст их деятельности обусловлен не какой-то конкретной этноконфессиональной стихией, а идеалами советскости, идейно-мировоззренческого универсализма. Вряд ли целесообразно разрушать то, что представляет историческую ценность только в единстве и нерасторжимости.

Русская философия всегда была делом интернационального творчества, и эту ее особенность всегда необходимо помнить, думая о ее перспективе.

Вопрос. *Ваша кафедра это понимает?*

Ответ. Безусловно.